

An illustration of a forest in autumn. The scene is dominated by large, dark brown tree trunks with thick, gnarled bark. The ground is covered in a thick layer of fallen yellow and orange leaves. In the center, a young girl with red hair, wearing a white jacket and blue pants, stands next to a young boy with brown hair, wearing a red jacket and blue pants. They are both looking towards the viewer. The background shows more trees with sparse yellow leaves against a pale, overcast sky. In the top right corner, there is a circular icon with the text "12+".

12+

Ульяна Орлова
Музыка для братьев

Ульяна Владимировна Орлова

Музыка для братьев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63043036

SelfPub; 2024

Аннотация

Денис – студент университета. Помимо учёбы он подрабатывает, на выходных ездит домой и встречается с девушкой Надей. В одно из свиданий он случайно узнает, что два года назад у неё без вести пропал младший брат Славка. Тот же мальчишка, который прошлым летом ехал с ним в одном купе! Книга является продолжением первой части "Через тернии к... дому!" В ней повествуется не только о судьбе найденыша Славки, а также о ребятах Юре и Денисе, здесь – уже студентах-первокурсниках. Здесь – и первая любовь, и ссора с родителями, и тревога за друга, и вопросы, которого волнуют каждого. В то же время – это полноценное произведение, которое можно читать отдельно.

Содержание

Глава 1. Надежда	5
Глава 2. "У тебя глаза, как небо..."	18
Глава 3. Славка и Антон	28
Глава 4. Ночной разговор	39
Глава 5. Не поеду!	49
Глава 6. Колокол	58
Глава 7. Отец	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ульяна Орлова

Музыка для братьев

*Светлой памяти сестрёнки Сашеньки, а также её папы
Федора*

посвящается эта книга.

«... И мы знаем, что так было всегда,
Что судьбою больше любим,
Кто живёт по законам другим,
И кому умирать молодым.

Он не помнит слово «да» и слово «нет»,
Он не помнит ни чинов, ни имён.
И способен дотянуться до звёзд,
Не считая, что это сон,
И упасть, опалённым Звездой по имени Солнце...»
Виктор Цой

«...кто мой ближний?»

Евангелие от Луки, 10:29

Глава 1. Надежда

Дождь мелкими брызгами падал на лицо, оседал на чёрных фигурных ограждениях, собираясь в капли, тонкими струйками сползал по стеклам автомобилей. Оголенные ветки деревьев, дрожа от ветра, покачивали остатками жёлтых листьев. Серое небо колпаком накрыло город. Солнца не было неделю. Или больше?

Денис поправил наушники, накинул капюшон, сунул в карманы озябшие пальцы. Был ли автобус? Нужно поторопиться... Неохота ещё целую вечность стоять на остановке... Впрочем, такая погода не особо его расстраивала. Ну да, противно конечно – сырость просачивается через куртку, толстовку и забирается куда-то внутрь. Но это ведь недолго – сейчас он сядет в тёплый автобус, откинется в мягком кресле и отдастся музыке и дороге. Если, конечно, не будет пробок. Хотя какие пробки в выходные? Да если они и будут, что с того? Он вышел заранее, музыки в телефоне восемь гигабайт – можно и подождать... Выходной ведь! Долгожданные, милые деньки, которые ничто не может омрачить: ни эта погода, ни ворчливая бабулька, ни даже автобус, которого не дождешься... Нет! Вот он, родной! Жизнь продолжается! Денис вмиг оказался у дверей, нащупывая проездной в кармане, но бабуля сердито протиснулась между ним и автобусом.

– Ох, ну что ж за молодежь пошла! – услышал он корон-

ную фразу сквозь наушники. Он не нашёлся что ответить. Прошёл назад, плюхнулся в кресло. И растворился в окутывающем тепле, музыке и радостном предвкушении встречи.

Музыка прервалась на пару секунд – завибрировал мобильник. Денис потянулся в карман, на светящемся экране увидел знакомый номер, улыбнулся: «Динь, прости, я опаздываю. Задержусь на пятнадцать минут». Что ж... Видимо Надюшкина природа такая – опаздывать. Давно уже пора к назначенному времени прибавлять двадцать минут – не было ещё такого свидания, на которое она приехала бы вовремя. Ладно, подождём...

Воспоминания о ней солнечным зайчиком согревали сердце. Всего час-полтора и снова: её милое лицо, обрамлённое непослушными кудряшками, застенчивая, но добрая улыбка, аккуратный носик с редкими капельками веснушек. Заливистый смех, нежный голосок: «Ох, Динька...». И восторг в детских зелёных глазах.

У Дениса рядом с ней замирало сердце. Нет, он даже себе боялся признаться в этом, но это вот удивленное «Ох, Динька...» зарождало в нём такую энергию, что хотелось разбежаться и полететь. Или станцевать брейк-данс. Или... Почему у него нет крыльев?

...А если серьёзно, то как же здорово, что именно в ту субботу ему понадобилось ехать в «Мегу». У него тогда слетел аккумулятор на нетбуке. Как же он злился: так не вовремя – осталось несколько страниц, чтобы закончить реферат,

и вот он – зачёт! А тут – на тебе, ни интернета, ни реферата... Пришлось тащиться в «Мегу», хотя он не любил эти торговые центры, особенно в выходные, где народу столько же, сколько в час пик в метро. Но он знал, что там точно купит то, что нужно и не «золотое». А то здесь пара магазинов электроники на весь город, и всё по двойной цене... Заодно и в «Икее» можно посмотреть подушку, а то он так намучился в общежитии без неё спать... И вот он уныло ехал в эту самую «Мегу», ругая производителей нетбуков, бестолкового Серёгу, который нечаянно залил пивом его девайс¹, заодно ругая ещё московскую осень, слякоть, дождь и... Не важно, впрочем. Потому что, приехав в центр, он нашёл там... Надо же, именно в тот день, именно в то время и на той кассе девушке перед ним не хватило ста рублей. Он тогда... Он тогда раздражённо смотрел, как она роется в своей большой сумке. Кассирша тоже сперва молча смотрела, а потом начала нетерпеливо вздыхать. А Денис пытался понять, каких предметов первой и не первой необходимости там может не быть... Вообще, чего-то может не быть в женской сумке?! Он уже вынул наушники, шумно вздохнул и... И встретился с зелёными растерянными глазами. Беззащитными. Обиженными. Смущёнными. Расстроенными.

– Проходите, – пробормотала девушка.

– Как же, я уже пробила! – выпустила пар кассирша.

Девушка снова стала рыться в сумке. Пространство во-

¹ девайс – прибор, устройство (разг.). От английского device.

круг наполнялось напряжением. Денис, хмыкнув, спросил:
– А что там, в сумке? Вы что-то потеряли? – И снова встретился с детскими глазами. Обрадовавшись про себя почему-то.

– Потеряла... Ну что ж такое... А вы правильно подсчитали? – спросила она кассиршу.

– Нет, ещё и я виновата. Всё правильно. Девушка, не задерживайте очередь. Сходите, здесь банкомат есть, или в другой раз возьмёте...

– Ага, в другой раз! – обиженно воскликнула девушка. – Тащиться через пол-Москвы за светильниками в свой выходной, чтобы приехать в другой раз!

– А сколько не хватает-то? – спросил Денис.

Девушка покраснела.

– Сто рублей не хватает, – сказала кассирша.

Денис порывлся в джинсах – хорошо, что он разменял деньги, покупая аккумулятор.

– Спасибо, – тихо сказала девушка, глядя на свои заплённые кроссовки, когда они вышли из магазина.

– Да не за что... – пробормотал Денис.

– Давайте, я ваш номер телефона запишу, я вам деньги на телефон верну.

«Не стоит» – хотел было отмахнуться Денис, но... Почему-то очень хотелось ещё раз увидеть вот эти сердитые и доверчивые глаза, каштановые кудряшки... О чём бы ещё спросить, чтобы она не уходила?

– Давай. Пиши. Только ты мне потом сообщение пришли, что положила, а то мало ли... – Денис забоялся, что она вдруг догадается. Продиктовал номер. Назвал себя.

– Денис... Хорошо, я сегодня вечером вам положу. Меня Надя зовут, – она, наконец, улыбнулась. Ой, ну какая же у неё оказывается улыбка! Это он сегодня не хотел сюда ехать?

– Я буду ждать, – Денис услышал со стороны свой голос. Какой он у него противный... – Надя...

– Ну, до свидания!

– Ага, – растерянно отозвался он, потом спохватился и окликнул её, – Надя!

Но она уже быстро шла к лифту, смущенно опустив голову. С кем-то болтала по телефону. Ну ладно...

Нужно ли говорить, что вечер почему-то не наступал, а часы отказывались идти? Или, может, Надя обманула? Нет, же, не могла она. Такой бесхитростный взгляд, голос – они не могли обмануть! Да и вообще, что он о ней всё думает? Ну её, пойдет он лучше реферат дописывать...

В восемь вечера затренькал телефон. Денис вскочил.

– Слушай, ты чего с ним сегодня не расстаёшься? – подозрительно спросил Серёга.

– Отстань, – сказал Денис, хотя и был ему благодарен за сломанный аккумулятор. Потому что на маленьком экранчике светилось: «Деньги положила. Надя, которую вы сегодня выручили в Икее». Ура! Денис аккуратно сохранил номер в контактах.

И удивительно – когда он позвонил ей через неделю и предложил встретиться, она не отказалась! Договорились на воскресенье... Жалко, что они могли встречаться только по выходным: Надя училась на юго-западе Москвы, а Денис – в Подмосковье... Хотя добираться до Москвы всего около часа на автобусе или электричке, но он не мог себе такого позволить: по вечерам после учёбы он подрабатывал барменом. А что делать, если маминой пенсии с трудом хватало ей на лекарства и необходимую еду?.. Поэтому он с нетерпением ждал выходных: уж эти-то два дня он мог провести только так, как хотел он сам. Обычно он ездил к матери, пока не познакомился с Надей... Ой, надо ведь ей позвонить, сказать, что приедет в следующие выходные. Может, и Надюшка согласится ехать с ним?

– Мам, привет! Да... Как дела, мам?.. Всё нормально, говоришь? Как давление у тебя?... Понятно... Хорошо... Мам, я не приеду... Да... В следующую субботу приеду... Да расскажу, расскажу!.. Что говоришь?.. Надя. Надежда!.. Да.. Ну познакомлю, конечно!.. Мам, я с Юркой тебе деньги передам, он к тебе зайдет. Да, он поедет... А я – на следующие выходные. Да хорошо я ем! Тепло у нас!.. Да!.. Всё, не волнуйся...

Ну конечно, все скучают. Но зачем так, как с маленьким-то? Ой, мама... Сквозь раздражение от неусыпной маминой заботы он чувствовал тревогу за неё. Как она там одна? Этот год она маялась высоким давлением и не могла да-

же приехать к нему. Хорошо ещё, что ему удалось избежать армии: здесь, учась в институте, он мог и подрабатывать, и приезжать к ней...

Народ в автобусе засуетился к выходу. Что такое? Денис посмотрел в окно – до метро не доехали... Снял наушники, подошёл к водителю.

– Почему не едем?

– Авария там. Можешь сидеть, но когда поедем – не знаю... Дойти быстрее.

Вот подстава! Вот чего ему ещё не хватало – так это топать по слякоти, да ещё когда времени впритык. Кажется, сегодня опоздает не Надя...

Денис натянул повыше капюшон толстовки, сунул руки в карманы. И быстро зашагал по лужам за остальными недозволенными пассажирами.

Конечно, он опоздал. Возле красно-синей колонны в центре зала, где обычно собираются встречающиеся, он увидел её. Девушка стояла, опустив свою волшебную сумку, с которой не расставалась, и что-то внимательно разглядывала в телефоне.

– Надя! – позвал он.

Надя подняла голову, заулыбалась. Денис облегчённо выдохнул:

– Прости. Там авария была, пришлось пешком идти.

– Какая авария? – забеспокоилась она.

– Да зацепились... «Жигули» и «тойота»... Стоят, ждут гаишников...

– Понятно, – Надя снова заулыбалась. – А сегодня я первая приехала! Хотя я тоже опоздала...

– Угу... Что, вчера ночью опять анатомию зубрила?

Надя кивнула. Грустно завздохала:

– У нас зачёт в понедельник. А я ничего не знаю! Вообще...

– Да ладно тебе, сдашь! Куда ты денешься... С подводной лодки.

– Ага, знаешь там какая преподаша? У-у-у... Она всех заворачивает, если хоть слово не то скажешь!

– Ну, ты-то сдашь! Я знаю... – он взял её за руку. Аккуратная нежная ладошка была почему-то холодной. – Ты замёрзла, что ли?

– Немножко... Я с погодой погорячилась. Всё не могу привыкнуть, что осень. Так лета хочется...

Лета... А кому его не хочется-то? Горячий асфальт, свободные мысли... Можно целый день бродить по интернету или гонять на велосипеде... Или смотреть фильмы. Или даже почитать... Да всё равно, что делать, главное – можно спать сколько хочешь и знать, что сейчас ты никому ничего не должен... Хотя учиться Денис любил – это была заветная мечта. Её воплощение... Не любил лишь рано вставать и сидеть на унылых лекциях, вроде экономики или политологии.

– Денис, мы куда сейчас?

– Не знаю. Ты куда хочешь?

– Я – как ты... Я же здесь ничего не знаю ещё...

– Поехали тогда до Коломенской. Была там?

Девушка покачала головой.

– Там большой парк... Лучше всего там гулять весной, конечно, яблони цветут, всё белое! Зато сейчас там тихо, на Москву-реку вид красивый. Погуляем, а потом к Юрке зайдем. Ладно? Я ему денег должен передать, он сегодня к матери поедет.

– Давай! А Юра – это твой брат?

Ох, ну надо же! За месяц знакомства ни разу не рассказать... Нет, наверное, это только он так может.

– Друг. Ой, Надя, наш поезд, пойдем быстрее!

Они забежали в вагон. Двери грохнули, едва не прищемив Дениса. Он засмеялся, плюхнулся на сиденье. Надя тихо задышала рядом. Вот кто ему скажет, почему девчонки всегда так вкусно пахнут?

– А что за друг? – услышал он её голос сквозь звенящий шум скоростного поезда.

– Ну... Мы выросли вместе. Потом Юрка пошёл в армию, а я сюда поехал. А он вот год отслужил и поступил в академию водного транспорта. Тоже на первом курсе учится... Брат... Наверное, уже как брат. Столько лет вместе, все тайны общие.

– Понятно, – вздохнула Надя. – А тебя в армию не взяли?

– Мне дали отсрочку на полгода. Из-за сердца. Да я уже

про него давно забыл! – быстро проговорил Денис, заметив встревоженный взгляд девушки.

– А разве из-за сердца могут дать отсрочку? – удивилась Надя. – По-моему там просто годность другую дают.

– Дают, если после перенесенной болезни там что-то найдут... – Денис замолчал, потом посмотрел на Надю. – Да я не болел, я просто попросил очень. У меня были сбои пару раз, и один из них – как раз перед комиссией. ЭКГ врачу не понравилось...

Денис вспомнил, как тот долго хмурил брови, вертел в руках листочки с зубчиками. Потом поднял голову и сказал хмуро, даже сердито: «Ты понимаешь, что с такой кардиограммой в лётные тебе дорога закрыта?» Он, кажется, тогда вздрогнул. Перевел взгляд с пола на врача. «Ну, пожалуйста! – с отчаянием взмолился он. – Не пишите... Это...это вообще какая-то случайность...»

«Случайности – не случайны... – сказал доктор себе под нос. – Один раз говоришь? Надо переделать через недельку-другую...»

Он почему-то медлил, и Денис через силу сказал: «Раньше очень давно было, один раз... Года два назад или три».

Врач ещё о чем-то спрашивал, Денис машинально отвечал. А сам думал тоскливо, что сейчас снизит он группу, и всё... кончится всё. Кто его потом возьмёт? Он тогда... он тогда ещё раз посмотрел ему в глаза. Вероятно, взгляд у него был очень тоскливый и очень умоляющий, потому что врач

отвел внимательные глаза и крикнул скупое: «Иди... Дам тебе отсрочку на полгода. А ты тренируй свой моторчик... Куришь? – Денис замотал головой. – Смотри! И если через полгода будет также – пойдешь, значит...».

... – А что через полгода? – поинтересовалась Надя.

– Ну... – совсем неуютно стало Денису в этом грохочущем вагоне, – я не стал дожидаться комиссии и поступил в авиационный. Побоялся тогда соваться, а в других войсках, думаю, зачем год терять? Поступил на самолетостроение. Потом либо переведусь на другой факультет, либо закончу и поеду в Сасово, попробую в летное училище. Или в Питер, там академия гражданской авиации.

– А здесь, в вашем институте нет какого-нибудь лётного факультета?

– Есть. Испытание летательных аппаратов. Я думал на него перевестись, но пока не решил... В любом случае – буду в лётчики пробиваться.

– Так хочешь, да?

Денис кивнул.

– Вчера записался в аэроклуб. Так у меня ещё и налет будет... А пока – узнаю самолеты изнутри.

Надя молчала. Зря он, наверное, ей рассказал – поселил в зелёных глазах огоньки тревоги! Не хватало ещё, чтобы она переживала из-за него!

– Надюшка, – тихо позвал он, – не волнуйся! Я – с тобой!

– Ох, Динька, – едва слышно вздохнула та, – ну ты даёшь!

Чего даёт? Денис не понял. Как объяснить ей, какими словами, что не может он жить без неба? Что оно такое же нужное, как воздух. Что с детства не представлял он иной жизни... Что всё замирало в нём от волнующего предчувствия полёта, сколько раз он мечтал подняться ввысь! И как от скорости захватывает дух, но только тогда ты понимаешь – вот она жизнь! Ты живешь здесь и для этого! А остальное – декорации... Пока всё сложилось так, что он оказался ближе к самолетам. Потом, конечно, снова придется проходить комиссию... И Денис очень надеялся, что тогда сердце его не подведет.

Какое же замечательное московское метро в выходные! Людей мало, поезда ходят редко и полупустые. И нет очереди на эскалаторы... Можно идти вдвоём, взявшись за ручки, и знать, что тебя никто не толкнёт, ни скажет что-нибудь противное, как сегодняшняя бабулька... Хотя они, бабули, никуда не делись: вот одна переваливает по ступенькам неудобную тележку с громоздкой клетчатой сумкой. Тяжёлая, наверное...

– Надь, подожди. – Он взялся за жёсткую ручку. – Давайте, я помогу...

Надя улыбалась. Кудряшки выбились из-под полосатого беретика, сумка сползла с плеча... Да всё на свете готов он был сделать ради этой улыбки!

– Давай свою сумку. Что ты там такое носишь? – охнул он.

– Секрет... Да ладно, ладно, – поспешно сказала она, уви-

дев как Денис нахмурился, – пирожки тебе. Весь вечер вче-
ра жарила.

Глава 2. "У тебя глаза, как небо..."

Оно было чистым и таким прозрачным, каким бывает только осенью. Казалось, щелкнешь пальцами, и зазвенит эта насыщенная глубокая синева. Маленькими искорками горели робкие звёзды. Морозило. В воздухе уже не было противной сырости – он был сухой и снежный.

В наушниках Цой пел про алюминиевые огурцы. Как-то не связывалась эта песня с тихим настроением. Но руки вынимать из карманов было неохота, и Денис просто переключился с песни на сегодняшние события. Хотя вроде ничего особенного и не было.

... Буран налетел внезапно. Будто кто-то смахнул большой поток мокрого снега на город. И подул на него. Деревья сердито качали голыми ветками. Листья кружились вместе со снегом. А ветер замораживал всё и вся. Надя ойкнула и прижалась к Денису. Денис, неожиданно для себя обнял её. А ветер со снегом словно отгородили их от всего мира, казалось, что они хотели унести их в другое пространство... Холод пробирался сквозь тонкую курточку, сквозь толстовку, сквозь ботинки. А серая пелена недовольно, нехотя рвалась на клочки.

А потом... Потом они замерзшие, но ничуть не расстроенные этим, отогревались у Юры горячим чаем. Надя стеснялась и держалась рядом с Денисом. А Юрка был рад го-

стям. Ещё бы – не виделись месяц, если не больше!

– О-о! – засмеялся он, когда они мокрые оказались у него на пороге. – Ясно, где ты пропал!

– И ничего не ясно! – буркнул Денис. – Грей нас давай. Мы замерзли.

– Конечно, кто ж в такую погоду гуляет-то? Хозяин собаку не выгонит. Только влюбленные... – хмыкнул Юрка и увернулся от подзатыльника, – ну-ну... – и уже из комнаты отозвался, – как дела, летун?

– Снимай куртку, сейчас будем чай пить, – сказал Денис Наде. В её зелёных глазах нарастало смущение. – Не стесняйся. Юра – нормальный парень.

Скинул кроссовки, прошёл в комнату:

– Нормально всё. Ты один, что ли, сегодня?

– Пока да. Ребята на работе. Вечером соберутся. Будут отмечать.

– Что отмечать-то?

– Да не знаю... Какая разница?

Вошла Надя, оглядела комнату. Засмотрелась на большой календарь с парусниками над кроватью у Юрки.

Бесхитростный минимализм, как и во всех общежитиях: по обе стороны от широкого окна – две двухъярусные кровати, за кроватью напротив двери – маленький стол, над столом – белый шкафчик с посудой, слева во всю стену – обшарпанный шкаф для одежды, на полу – ковёр, прикрывающий старенькую паркетную плитку...

– Садитесь, что встали? Правда к чаю у меня ничего... Только печенье какое-то завалившее. – Юрка залез в шкаф и стал там брякать чашками, – где-то, где-то... Неужели сожрали всё?

–Ой... Надь, – Денис посмотрел на девушку. Она поняла без слов.

– У меня в сумке пирожки есть. Вы с картошкой любите? – тихо спросила она Юру. Вот чего тут стесняться?

Юрка вылез из шкафа, кивнул. Надя быстренько принесла пластиковую коробку с маленькими золотистыми пирожками...

Денис любил пирожки с картошкой. Правда в последний раз он ел их давно – в конце лета, мама пекла. А друг... В общем, пирожки исчезли быстро. Осталось четыре штучки. Юра аккуратно закрыл контейнер, протянул Денису. Улыбнулся Наде:

– Спасибо.

Как же здорово всё-таки увидеть его! Человека, с которым ты вырос, который, пожалуй, знает тебя не хуже, чем ты сам. А главное – понимает. Принимает. Вот таким, со страхами, недостатками, сомнениями... А в чужом городе увидеть родное лицо – всё равно, что возвратиться на Родину... И Юрка, видно ведь, что соскучился – сияет, как начищенный медный самовар.

– Как твой лес? – неожиданно спросил он.

Надя недоуменно посмотрела на Дениса. Ой, она ведь ещё

не знает...

– Ну, как... – Денис вздохнул. – Завтра митинг опять будет.

– Ты пойдешь? – быстро спросил Юра, пытливо глядя на Дениса своими карими глазами.

– Пойду. А что толку-то? Сколько уже деревьев срубили. Наш лес – не первый. И не последний ещё...

Надя непонимающе смотрела по очереди на ребят. Но молчала, видимо догадывалась, в чём дело.

– Я не понимаю, зачем это? – глухо сказал Юрка. – Ведь там же не просто так зелёные насаждения... Там ведь два аэродрома, постоянно летают самолёты. Один только «Макс»² чего стоит!.. Деревья поглощают всю эту грязь...

– Ну... Объясни это им...

– Денис, правда, зачем они рубят-то? Им что, дров не хватает? – спросила Надюшка.

– Да каких дров! Дорогу там хотят делать. Хотя... Кто-то говорит, что дачи строить, но это, может быть, и слухи...

– Так там же есть дорога!

– Там хотят напрямую к аэродрому... Но насколько я знаю, разрешения на вырубку у них нет!

Юра молчал. Надя растерянно смотрела на Дениса. Как будто от него что-то зависело!

– Что?.. Я разве виноват, что в нашей стране кому-то очень мешают деревья? Или то, что я там живу? Самому

² МАКС – международный авиационно-космический салон.

тошно... Там лес такой... Я гулял там как-то. Тропинки маленькие, сосны. Дышать так легко... Тихо... Будто и не в городе даже...

Ребята молчали. Потом Юра вздохнул. Глаза его уже не улыбались. Ну да, он же первый год в Москве. Он не знает ещё здешних порядков, да и Надя тоже... Для них непривычно это, непонятно, зачем?.. Не, Денису тоже не понятно, а главное – обидно. Как будто это не лес рубят, а внутри у него что-то. Будто он сам эти деревья сажал... Понятно, что машин много, что пробки, а всё равно тоскливо. Привык, любил он этот город. Ладно бы просто деревья, кустарники, а то – сосны. Высокие, стройные. Красивые...

– Может, не будут ещё? – прошептала Надя. Денис пожал плечами. А что тут скажешь?

Помолчали. За пыльным окном общежития сквозь разорванные облака просвечивали робкие золотые лучи... Ветер, разогнав тучи, разбил колпак, который закрывал город. Наконец-то солнце! Как же удивительно оно вдруг поднимает настроение.

– Юр, я принес деньги. Зайдёшь к маме?

Юрка кивнул.

– А сам когда выберешься?

– На следующих выходных. Вместе поедем. – И встретился с вопросом в Надюшкиных глазах. Надо ей тоже предложить... Ладно, потом.

– Юр, как учеба?

– Нормально. Бóтаю потихоньку...

– Все первокурсники ботают... Потом привыкают и спят на лекциях, – Денис подмигнул Наде.

– Ой, не говори, тоже умник нашёлся. Что, если на курс старше, значит, всё знаешь что ли?

– А то как же, – самодовольно улыбнулся Денис.

– Вот я до сих пор не пойму, как ты собираешься в пилоты, если тебя в армию не взяли?

– Так отсрочку же дали! Я тебе сто раз рассказывал... И вообще, разговаривать надо уметь.

– Я же говорю, умник! Ладно, не буду, – Юрка встретился с укоризненным взглядом Дениса. Прямо он не знал, как Денис хотел летать!

– Надя, а ты где учишься? – Юрка посмотрел на Надю.

– В медицинском. На педиатра.

– Здорово! Интересно?

– Очень. Мне нравится. Правда, учить много надо...

– Это у всех так, – подал голос Денис. – Потом, правда, чем старше – тем меньше... Забываешь на половину лекций.

– А ты здешняя? – спросил Юрка.

Денис покачал головой. Надя улыбнулась:

– Нет. Я с Сибири.

– А зачем в Москву приехала? – удивился Юрка. – У вас там что, поблизости ВУЗов нет?

Надя покачала головой.

– С медицинскими сложно. Или нет педиатрии, или по-

ступать сложнее, чем сюда.

– А ты на бюджете?

Надя кивнула.

– Юр, хватит человека мучить вопросами! Расскажи лучше, как у вас тут...

Нет, друг не изменился. Только похудел немного, точнее, так и не поправился после армии. И тёмные глаза стали не такими улыбочивыми, как раньше, и мелькала в них иногда усталость... А так – Юрка он и есть Юрка. Хотя и шутит всё время над ним с Надей, но видно, что без насмешки, по доброму. Странно было бы, если б он не шутил – настолько привык к этому Денис. И говорить с ним можно долго, не замечая времени. Тем более, есть о чём... Жаль, что пора собираться: Юре ещё в электричке три часа пилить... Ладно, в следующие выходные они вместе поедут, ещё пообщаются.

Когда они вышли из общежития, светило вечернее солнце. Холодными, но мягкими пастельными тонами оно по своему преображало унылый город, отражаясь в золотых кленовых листьях, жёлтыми каплями оседая на верхушках куполов, мягкими тенями очерчивая озябшую траву... А в небе синева заполнила всё пространство, и облака, когда-то давившие своей тяжестью, теперь жалкими клочками уходили, подгоняемые осенним ветром. Пахло снегом.

Юрку проводили до Курского вокзала. А Денис решил ехать на электричке с Казанского. Неохота ему было трястись в метро, потом в автобусе... Да и поэкономить нужно.

Зарплата – только на следующей неделе...

– Надюшка, – сказал Денис, когда они подходили к метро. Снова обрадовался её теплому взгляду, озорным кудряшкам, задиристому носику. У него ещё есть целое, почти целое завтра, чтобы побыть с ней! – Я хотел спросить у тебя...

– Что, Динька?

Он помолчал. Глубоко вздохнул. Да уж, оказывается, так сложно говорить о простых вещах!

– Я на следующей неделе поеду к маме. Может быть, ты поедешь со мной?

Надя нерешительно покачала головой. Понятно было, что она боялась обидеть его отказом.

– Да ты не бойся... Мама у меня – золотая...

– Да я не боюсь, – она помотала головой: каштановые колечки запрыгали по такому же полосатому, как и беретик, шарфу. – Денис... Просто ко мне моя мама приезжает на следующей неделе!

Ах да, ведь у неё же тоже есть родители... Но потом... полмесяца не видеть её. Денис вдруг понял, что для него общение с ней нужно так же, как небо. Как воздух... Почему так пусто становится, когда он думает о предстоящем расставании?

– Динь... – Надюшкины смущённые глаза засветились каким-то внутренним светом, от которого грусть стала растворяться, – Динь, а знаешь... У тебя сейчас глаза – как вот это небо. Честно – честно!

И снова внутри – эта радость, от которой захотелось обнять Надюшку, закружить её быстро-быстро... Или разбежаться и полететь... Но он просто взял её тоненькие горячие пальчики. Посмотрел в её счастливые глаза. Они всё понимали без слов. И смеялись, согревая всё вокруг беззаботным и ласковым светом.

– Надя... Я буду скучать...

– Ох, Динька... Я тоже!

– Я буду ждать!

– Я тоже... – прошептала она, – но у нас есть ещё целое завтра!

И точно! А это ведь так здорово.

... Оно было таким чистым, таким насыщенно синим и таким прозрачным. На горизонте – светло-голубым. Денис вдруг вспомнил, как однажды, будучи ещё маленьким, в самолёте сделал открытие. Когда солнце село, то на горизонте он увидел огромную радугу. Только она была не полукруглая как обычно, а длиною в небо: цвета плавно переходили от огненно-красного – там, где только что зашло солнце, и до фиолетового – на противоположной стороне... Словно эта радуга окружала землю. Удивительно... Он тогда летел на море, вместе с мамой. Хотел ей показать, но побоялся почему-то... Сидел и смотрел, стараясь запомнить, пока краски ночи не растворили закат.

Он всё-таки вынул руки из кармана, вытащил мобильник.

Выключил Цоя, снял наушники. Теперь в тишине сонного города было слышно только его шаги. Почему-то они ритмично совпадали с минутами. Отмеряли время. Его, Дениса, время... А может, ещё и Надюшкино?

Глава 3. Славка и Антон

Второклассники сегодня заканчивали учиться раньше – каникулы на носу. Антон прислонился спиной к железной ограде. Рюкзак он не стал снимать – надеялся, что ждать придётся недолго.

Двери школы постоянно открывались – выходили ребята. Ой, вот и он! Антон поднял ладони, махнул светленькому мальчишке с большим ранцем за спиной. Тот кивнул ему, на секунду остановился, сказав что-то парню, который вышел вместе с ним. И побежал к Антону.

– Славка, ты опять шапку дома оставил? Или в школе?

– Дома... Антон, я её где-то потерял. То есть, дома потерял.

– Уши отморозишь! Осень на дворе!

– Не, не отморожу, – засмеялся Славка, – я капюшон надену.

– Растяпа! Как в школе дела?

– Нормально... У нас вчера был этот, как его... медосмотр, – Славка остановился, покопался в портфеле, вынул оттуда какие-то бумажки.

– Это что такое?

– Это родителям сказали отдать. Сегодня.

– А чего такие мятые-то? Будто слон прожевал... – Антон попытался разобрать в корявые закорючки. Ладно, мама

прочитает, она умеет понимать врачебный почерк... – Как ребята?

– Да нормально всё, Антон. Вовке новый телефон подарили, сенсорный. Хвастался сегодня. Классный... Там представляешь, всё есть! И игры всякие, и даже интернет!

– Представляю. Ну, Вовка – умник, конечно. Нашёл, что в школу носить.

– А!... Потеряет – ему новый подарят.

– У него что, родители – миллионеры?

Славка вздохнул.

– Нет. Нефтяники. Они на Севере работают, а он с бабушкой живёт...

«Знакомая история...» – подумал Антон.

– Не обижают тебя?

– Нет, ты что! – Славка удивленно посмотрел на брата, – наоборот... На переменке все возле меня крутятся, не дают примеры доделать... А то я вчера не успел.

Удивительно, как быстро Славка умел заводить новых друзей. Антон сначала боялся за него, когда тот пошёл в первый класс. Потому что общество школьников оно такое – где поддержит, а где и раздавить может... Но Славку не трогали. Видимо чувствовали характер... Или ещё что-то. Может, просто видели, как Антон постоянно встречается и провожает его в школу? Всё-таки старший брат...

– Антон, а дядя Боря когда приедет?

– Завтра утром. На все каникулы.

– Ура!

Антон и сам был рад. Соскучился – папы не было целый месяц. Наверняка привезёт с собой кучу историй! Можно будет вечером сесть вместе на большом диване, заварить вкусного чаю с чем-нибудь, и слушать... Даже Славка, непоседа, сидит тихо, когда папа рассказывает.

...После того, как он вернулся домой, папа работу не поменял. Он продолжал ездить в командировки, а вот мама оставила её. И ни разу при Антоне не говорила о своей работе, хотя он знал, что она ей нравилась... Мама продолжала писать статьи и даже собиралась выпустить учебник. А папа... Папа говорил, что «если он будет работать здесь, то его копеек не хватит, чтобы прокормить двух этих оболтусов, из-за которых он в прошлом году чуть...». Что «чуть» – папа никогда не договаривал, но Антон понимал, глядя в его синие очень серьёзные глаза... И на морщинки, которые так и не исчезли, и на побелевшие волосы... Сейчас, впрочем, это уже не так важно... Главное, что вот он – дом и Славка рядом!

Мама была дома. Славка с порога протянул ей листочки и выдохнул: выполнил обязательство, донёс их целыми. Почти целыми: помялись немножко.

– Это что такое? – она пригляделась к корявым закорючкам.

– Это медосмотр. Славке сказали, чтобы он тебе отдал...

– Антон бросил рюкзак, скинул куртку.

– Понятно, – она присела на диван с этими листочками, – Антон, поешьте сами, там курица в духовке. Я сейчас посмотрю сразу, что тут.

Ой, сколько мама наготовила! Наверное, она тоже соскучилась по отцу.

– Антон, – зашептал Славка, когда они уселись за стол, а мы на каникулах к Шурику поедem или нет?

– Ой, Славка, я не знаю... Завтра папа скажет.

Он и сам хотел съездить к другу. Если была такая возможность – на каникулах они всей семьёй ездили к нему. А что, удобно: на поезде без пересадок, а оттуда потом папа ехал в Москву и – в Европу. Если у него было время – то тоже гостил у Шурки. Очень дружил с его отцом... Вместе веселее проводить время каникул. Особенно осенью.

... Удивительно просто, что друг тогда не обиделся. Совсем! Хотя Антона до сих пор скребёт вина перед ним... Но недолго скребёт, ведь если бы они сбежали вместе – Шурка не встретился бы с отцом.

Тогда Антон этого не знал! И почему-то очень боялся, что друг просто не станет с ним разговаривать. Но все опасения растворились, когда он услышал в трубке звонкий голосок:

– Алло, это кто? Антон? Антон! Я знал, я ведь знал, что ты найдёшься!

А Антон... Он почему-то тогда осип. Совсем не вовремя, кстати... Только и смог проговорить:

– Шурка, ты меня прости!

... И как они встретились тогда! Как будто не виделись не месяц, а целую тысячу лет! Он никогда не забудет, как Шурка, всегда такой серьёзный и внимательный, теперь улыбался. Таким счастливым в интернате он никогда не был. А здесь – сиял.

Как он тогда положил руки на Тошкины плечи и тихо сказал:

– Антон... Как я рад, что, наконец, увидел тебя!

У Антона будто тяжёлый груз с плеч свалился. И он свободно вздохнул... Хотя первый раз он так вздохнул, когда открыл глаза и понял, что он дома. И когда, посмотрев на родителей, понял, что об интернате даже разговора не будет. Вернее будет, но не о том, чтобы там жить, а о побеге и о той дороге. Никогда Антон не забудет её. Даже сейчас, хотя уже прошло полтора года, нет-нет да и приснятся ему эти бесконечные рельсы, мелькающие огни жёлтых окон, Славка за спиной... Но самым страшном во сне был маньяк... Иногда ему снилось, как в звенящей тишине чёрного леса тот кричит Антону: «Стреляй! Ну, что ты, стреляй!», а у него почему-то не срабатывает курок... Или пальцы перестают слушаться... И Славка рядом, и жутко сознавать, что сейчас ведь тот убьёт его... Дальше Антон испуганно просыпался. И потом ещё долго не мог заснуть, слушая тихое сопение младшего братишки и вглядываясь в тёмное окно, за которым тихонько качал ветками могучий тополь...

– Антон! – Славка в упор смотрел на брата, – Ты чего загрустил?

Антон встряхнулся:

– Да нет, ничего...

– Ты пойдёшь сегодня в музыкалку?

Ой, точно же. Как он мог забыть? Сегодня же последнее занятие перед каникулами. Надо... Хотя он и не любил этот неприятный урок сольфеджио, где нужно было писать нотные диктанты, или ещё хуже – ритмические, – так скучно! Но, может быть, после урока, он заглянет к своей учительнице и попросится поиграть на пианино... Жаль, что дома нет инструмента, а то он торчал бы за ним целыми днями. Хотя пока его нет, можно поторчать за компьютером...

– Тошка! – это уже мама появилась в дверях. Какой-то вид у неё растерянный... Или показалось?

– Мам, спасибо, всё вкусно!

– Хорошо... Ты сейчас пойдешь в магазин.

О, нет! Какой ещё магазин? Зачем магазин? Антон умоляюще посмотрел на маму:

– Мам...

– Не мам. Кто целую неделю идёт за картошкой? Чем отца кормить будем?

– Ну... Ты же приготовила... – Антон заметил металлические искорки в глазах у мамы и решил, что сейчас, наверное, лучше не спорить... Но всё же пробормотал, – ну хоть

отдохнуть после школы...

Правда, какая картошка? Это же надо на рынок топать... Неохота, тем более, что погода такая – серо, холодно и ещё с мелкими брызгами... С другой стороны, он и правда неделю обещает...

– Два мужчины в доме у меня, а я должна сумки таскать?

– Тётя Оля, мы ходим! – это Славка уже не смог вынести упрёка. – Антон, пойдём! Прогуляемся.

Ладно, если со Славкой, тогда ещё ничего. Хотя лениво так... Нет, нужно идти. В интернете можно и потом посидеть, тем более, мама тогда точно не будет прогонять его от компьютера...

– Мама, а мы к Шурке поедем?

Губы у мамы дрогнули в улыбке:

– Поедем.

– Ура! – как это у них со Славкой вместе получилось?

Ну ладно, тогда никакая картошка не страшна.

Славка всё никак не привыкнет называть маму – мамой... Всё «тётя Оля», хоть и видно, что любит её... Может, потому, надеется найти свою? Как-то раз вечером, сидя за уроками, Антон заметил, что малыш притих. Обернулся, всего лишь на секунду – и снова уткнулся в тетрадку. Потому что Славка смотрел на старенькую фотокарточку и что-то шептал. Не нужно было догадываться, кто на ней... Единственная вещичка из прошлой жизни, единственная связь с ней, воспоминание.

Ведь у Славки жива мама, просто он потерялся... Странно, сколько папа смотрел – он так и не нашёл информации о его родителях... И дядя Валера, Шуркин отец, он работает в полиции, – тоже ничего не смог узнать. Хоть Славка и потерялся рядом с тем городом, где живёт Шурка.

Как же всё-таки здорово, что он тогда не прошёл мимо стройки! Как бы он жил без него, названного младшего братишки? Счастье даже молчать рядом и слушать, как он тихонько посапывает, размышляя о чём-то, нахмутив светленькие брови...

Мама, как она сразу приняла Славку! И ни словом, ни жестом не показала, что он не её сын... И папа так обрадовался, когда вернувшись, увидел дома Антона вместе с малышом. Зря Антон переживал.

Славка шагал рядом и задумчиво смотрел в небо. Мелкие брызги то ли снега, то ли дождя капельками оседали у него на лице. Оказывается личико у него совсем не острое, а круглое. Просто прошлым летом он был очень голодным... Несколько минут он молчал, потом перевёл взгляд на Антона. В глазах светился вопрос.

– Антон... Я недавно слышал в песне, знаешь какие слова? Что звёзды – это не звёзды, это дырки в небе, сквозь которые виден свет из рая. Это так может быть?

Ох!.. Вот что ему ответить? Умеет же он задавать вопросы... Учителям в школе, наверное, нелегко.

– Ну... А почему бы и нет? Мы же там не были, не видели

что там...

Славка довольно помолчал. Видимо ему нравилась эта идея.

– Тогда получается, солнце – это очень большая дырка? Там, наверное, очень яркий свет и поэтому всё сгорает, да? Так просто туда не попадёшь...

Антон даже споткнулся. Вздохнул. Поправил капюшон на Славке, внимательно посмотрел на него. Серые глаза без улыбки смотрели на него, словно сейчас для брата это было важным.

– Славка, да всё может быть... Хотя, с другой стороны – вот будет у вас астрономия в школе...

– Как же, тогда получается, что солнце – это не солнце?

– Почему же не солнце-то... Скопление света, которое называют «солнцем».

– Ой, а я так и не думал даже!

– Славка, а где ты эту песню-то услышал?

Славка замялся.

– В гостях у Данилки Гречко... Ну, он мелкий такой, со мной за одной партой сидит.

– Ты когда успел у него побывать?

– А, это когда тебя позавчера задержали, я к нему и пошёл. И Вовка ещё. Он просто напротив школы живёт.

Мда... Видимо прошлое лето ничему его не научило. Доверчивый, как слонёнок... А с другой стороны, что лучше – сидеть в школе и маяться от безделья?

– Антон, да не волнуйся ты! Данилка – хороший парень! Он всякие модельки танков, самолётов собирает, раскрашивает их. Он нам показывал. А потом его мама нас мантами угостила!

Антон молчал. Он не знал, что ответить малышу...

– Антон... – Славка уже с беспокойством вглядывался в лицо брата.

– Славка... Ты бы домой пошёл тогда, а мне бы позвонил.

– Я хотел позвонить, но у меня аккумулятор разрядился на телефоне. А он как раз позвал!

– Слушай, Славка, давай, когда в другой раз ты вдруг соберешься в гости или ещё куда, ты мне позвонишь? У ребят попросишь телефон. Хорошо?

Славка закивал.

– Позвоню! Антон, а я номер твой не знаю.

– Так выучи! Я тебе запишу. Мог бы и зайти ко мне.

– Ладно.

– Славка... – вот как ему сказать, чтобы он не обиделся? –

Славка, пойми же ты... – тихо произнёс Антон, – я же не просто так!

– Да я понимаю, Тошка. Я не буду больше. Честно! То есть, буду звонить.

Добавилось ему лишняя капелька тревоги. Или она не исчезала никуда? «А что ты хочешь? – сказал он себе. – Все малыши вырастают... И становятся самостоятельными... И иногда даже очень...».

Славка высунул из кармана свою ладошку. И крепко взял его руку. Как раньше.

Глава 4. Ночной разговор

За окнами детской музыкальной школы густели лиловые сумерки. «Интересно, а почему они лиловые? – думал Антон, надевая куртку, – Ведь днём же небо было серым. Откуда синева взялась?». Рядом, завязывая шнурки на ботинках, пыхтел Кеша Сорокин, его одноклассник. В обычной жизни человек неповоротливый и медлительный, но очень способный в музыке. На фортепиано он играет виртуозно! Как его пальцы, которые так быстро летают по клавишам, не справляются со шнурками? Человек – существо загадочное...

– Антон, ты в среду на репетицию придёшь? – спросил Кеша, выпрямляясь.

– Нет. Я уезжаю.

– Куда уезжаешь? – не понял товарищ.

– К другу, куда... На каникулы.

Ого, пока они играли, на улице началась метель! Белые мелкие хлопья кружились и сразу таяли на чёрной холодной земле. Вертелись возле фонарей. Щекотали нос. Ничего, скоро всё наконец-то будет белым-белым!. Зиму Антон любил. А осень – нет. Особенно сырую, пасмурную и с голыми деревьями без листьев...

Ой, что это? Антон заметил на скамейки две очень знакомые фигурки: одну маленькую в синей курточке и бело-голубой шапке, а вторую – высокую, в тёмных брюках и чёр-

ном пальто, с серебристой шевелюрой густых волос...

– Папка!

Он уже и забыл, как крепко умеет обнимать его отец! Надо же... А мама говорила...

– Пап, а мама говорила, что ты завтра утром приедешь!

– А я раньше! – отец всё смотрел на Антона. Как будто не видел его очень давно. И улыбался из-под усов... – Как ты, сын? Славка мне тут уже рассказал, что вы к концерту готовитесь? И что ты даже с двумя четвёрками четверть закончил?

– Ага, готовимся... – Антон вспомнил про Кешу, обернулся – тот стоял в сторонке, видимо ждал, – помахал ему. – Пап, как ты съездил? Расскажешь?

– Расскажу. Только не сегодня. Я устал немного...

– Ещё бы! Пойдём скорее домой, чай пить! Вы замёрзли, наверное?

Дома Антон включил компьютер. Залез в «контакт»³. Днём ему так и не удалось побывать в интернете, зато сейчас была куча времени. Отыскал в друзьях Сашу Карандашина, написал ему:

«Шурка, мы приедем! Завтра мама пойдёт за билетами, значит, в субботу вечером или в воскресенье мы будем у тебя. Я тебе позвоню. Славка очень соскучился. Я тоже. И папа приедет!

³ «Контакт» («В контакте») – социальная сеть в интернете.

ЗЫ: я прочитал про твой самолёт. Мне кажется, что двигатель у него нужно поменьше сделать. Потом объясню, почему. Да и вид красивее будет... Ты успеешь его дорисовать?»

И нажал кнопку «отправить».

Как же всё-таки здорово осенним вечером быть дома! И чувствовать себя счастливым. Наверное, самым счастливым человеком на свете! Завтра – пятница, а потом – целая неделя каникул! Славка утащил папин телефон – сопит тихонько и быстро жмёт на кнопки: играет... Мама кормит папу жареной картошкой, за который ему сегодня так не хотелось идти. А он тут, в интернете. Ой, фотки кто-то из ребят выложил. С моря, нужно глянуть. Им так и не довелось там побывать: летом решили купить компьютер и велик – из своего Антон вырос, он стал Славкиным, а ещё решили немного обновить их квартирку. Ну и ладно, ещё успеют! Это не главное...

Ночью Антон проснулся оттого, что захотелось пить. Он слез с кровати, мельком глянул на Славку: тот сладко спал без одеяла, раскинув руки. И такое беззаботное было у него выражение лица, что он не смог сдержать улыбки: какой же он всё-таки ещё малыш... Братишка.

Посмотрел в окно: старый тополь качал голыми ветками, и казалось, что ему холодно. Кружились снежинки, укрывая озябшую траву. Это – первый снег, и он ещё растает... Но сейчас было красивым это безмолвное ожидание зимы. Осень скребла по асфальту листьями и нехотя отступала. А

зима застлала землю и прошлое белым, чистым покровом. Новые дела, новые мысли... Какими они будут?

Антон тихо вышел из комнаты, прошёл по коридору и замер: щели кухонной двери светились, из-за неё доносились голоса родителей. Он хотел уже пойти обратно в комнату, чтоб не мешать им, как неожиданно зацепил слух негромкий, но встревоженный голос мамы:

... – Боря, ну какая Швейцария? Это же с корнями себя выдирать!

Антон замер. Какая ещё Швейцария?

– Оль, я же сказал, нам там будет лучше...

– Кому – нам?

– Тебе.

– Мне? Ты меня спросил?

– Я вот и спрашиваю... Оль, а разве нет? Ты одна здесь с мальчишками...

– А мальчишек ты спросил? Антона? Славика?

– Нет ещё. А почему они не согласятся? Там спокойнее. Условия лучше. И мы же – рядом... Славка – там, где Антон... Но в нём-то и вся загвоздка...

– Какая загвоздка? – напряжённо спросила мама. Антон тоже напрягся. Никогда папа не делал между ними различий...

– Ну, то, что мы его опекуны... Его не выпустят за границу!

Точно! После долгой волокиты родителям удалось офор-

мить только опекунство над Славкой. Потому что нет сведений о том, что Славкины родители погибли или лишены родительских прав... Но это по бумажкам только! А сейчас получается... Антон еле сдерживал себя, чтобы не дёрнуть ручку двери.

– И что ты предлагаешь? – это мама.

– Оль, я не знаю... Я и советуюсь.

– Я думаю, что нужно всем вместе советоваться! С ребятами...

Молчание. Потом усталый голос отца:

– Я просто не знаю, как им сказать...

– Борь, что ты не знаешь? Ты уже всё решил. Уже подсчитал во сколько нам переезд обойдётся. Квартиру там подыскиваешь. Почему ты не спросил меня? Я не смогу жить в чужой стране!

– Оль, ну ведь раньше могла же. И ничего я пока не подыскиваю. Так, навел справки.

– Справки... Знаешь, Борь, раньше я много чего могла. Сына, например, в интернате оставить. И что из этого вышло?.. Борь, да не захочет он, пойми же ты!

– Откуда ты знаешь? Он ведь хотел ехать со мной... Оль, я когда приезжаю в Россию, знаешь, мне так грустно становится... Загадили страну.

– Правильно, и давай отсюда смотаемся! Так, да? Пусть дальше гадят...

«Что за чушь? Какая ещё заграница?!» – сердито подумал

Антон. Так всё было хорошо, а тут... Чего им неймется-то?
– Я просто думал, что нам всем там будет лучше... И мы будем вместе. Я измучился так мотаться... – тихо сказал отец.

– Борь... Я тоже хочу быть вместе. Но я не смогу так. А Славку ты куда денешь?

– Нужно искать его родителей... Только как?

«Ага, хорошо придумал, пап... А ты не подумал, как я там без него буду? И без Шурки? Ты зачем меня рвешь на кусочки?»

Молчание нарушила мама:

– Борь, у них сегодня был медосмотр. У мальчика подозрение на ревматизм. Надо обследоваться. Какие-то там шумы в сердце...

Ох, ёлки! Антон слышал медленные удары своего сердца. Они проваливались в пустоту и были такими громкими, что он испугался – сейчас их услышат родители... Хотя, какая разница... Эх ты, Славка...

В тишине кто-то скрипнул стулом.

В тишине кто-то вздохнул.

Что такое «ревматизм», Антон не совсем понимал. Из книжек знал, что из-за этой болезни опухают суставы, и пальцы становятся сложно сгибать. И что ею можно заболеть, если человек долго мёрзнет и плохо ест...

– У кого? – бесцветно нарушил тишину отец.

– У Славика. Видимо, последствия жизни на стройке...

«И нашего путешествия...» – подумал Антон. Странно только, что в том году проходили медосмотр и – ничего не обнаружили... Да и Славка не жаловался, что у него что-то болит. Хотя, если вдруг случилось ему замёрзнуть или промокнуть под дождём – малыш шёл в ванную и отогревался там не меньше часа...

За дверью молчали. Антону почему-то ужасно захотелось лечь в постель и уснуть. Чтобы наутро проснуться и понять, что всё это – сон.

– Борь, я уже позвонила доктору, спросила. Он сказал, что нужно беречь ребёнка. С такими вещами живут до старости... Хорошо бы сердечко посмотреть.

– Оль, что ж ты молчала?

– А что, это разве что-то изменит? – мама говорила так тихо, что сложно было разобрать слова. – Как-то повлияет на твоё решение?

Папа ответил неразборчиво.

– Да ну, Боря... Разве тебя может что-то изменить?

Пол такой холодный почему-то. Антон осторожно переступил ногами.

– Там вообще климат не всем подходит... Зимой ветрено, летом дожди. Это на севере... Но... Оль, знаешь, мне иногда так страшно за вас! Я ночами не сплю, мысли всякие разные. Я даже молюсь... И так по мальчишкам скучаю! Оль, ты не представляешь, как бы мне хотелось быть с вами!

Мама молчала. А Антон никогда не слышал такой тоски

в голосе папы... Да уж... Нелегко ему...

– Борь, если хотелось бы – можно было что-нибудь придумать, разве нет?

– Вот я и думаю... Если я буду работать здесь – мы так долго не протянем... И Тошке в институт нужно будет поступать...

Какой институт?.. Это ведь через четыре года! Вечность.

– Оля, я завтра попробую спросить у Антона, что он думает... Да не волнуйся ты! Я просто спрошу, я же не настаиваю...

– Спроси... Я днём пойду за билетами. Мальчишки очень соскучились по своему другу. Ты не передумал ехать?

– Нет. Я хочу увидеть Валеру... Может он чего посоветует. В следующее воскресенье у меня самолёт. Вас провожу и поеду обратно.

– Боря... Ты ведь знаешь, я тоже очень скучаю...

– Оля, Оля... Помнишь, как девчонкой ты не хотела расставаться даже на день? Ты почему-то очень грустила тогда...

– Боря, я помню. Только, пожалуйста, давай не будем повторять прошлого?! Вспомни, к чему нас это чуть не привело.

– Оля... Да кто же спорит... Главное, что все живы и здоровы.

«Почти все!»

– Почти, – откликнулась мама, – а вспомни, как ты в про-

шлом году сам смеялся, что искали одного, а нашли двоих...

– Двоих оболтусов.

– Без которых мы не можем жить...

– За которыми нужен глаз да глаз. И суровая мужская рука.

– Это точно. Борь... Тебя нельзя одного надолго оставлять, а то у тебя там всякие мысли заводятся!

– А как не оставлять?

Антон уже не мог стоять и тихо пошёл обратно. Предательски скрипнула половица под линолеумом. Ну и пусть... Он, кажется, хотел пить? В сумке же оставалась бутылка воды, что ж его понесло на эту кухню?

В его комнатке царили сон и спокойствие. Славка тихонько дышал, сложив свои ладони под щечки. Одеяло валялось на полу. Антон аккуратно поднял его, накрыл братишку. Забрался к себе наверх и улегся на живот. Задумчиво уставился в тёмное окно. Сейчас только тополь разделял его тревогу. Обиду. Страх за Славку. Вину... Тоску по отцу и той счастливой жизни, которая так далека от него и бывает так редко... Горечь расставания... И сквозь этот комок – несмелая радость ощущения дома... И его, этого дома, может не стать?

Антон любил свой дом. Свою маленькую квартиру. И тихий зелёный дворик, и школу, которая порой надоедала уроками и ранними подъемами тёмной зимой, но она была тоже неотрывной частью его, Тошкиной, жизни. Такая цепочка из прочных звеньев: дом, Славка, родители, школа, его город...

Ни одно не вырвешь! При чём тут другая страна? Зачем?!

Папа сказал, что там спокойнее. Может быть и так – Антон там не был. Но он любил свою страну: пусть тревожную и нескладную, но его! И Шуркину... И тех ребят, которые помогали ему... Он тоже немного узнал прошлым летом о том, какая она... Когда вместе со Славкой добирался домой... «Загадили...». И что с того? Не всё и не везде! Она разная, да, его Родина, но она же – своя!

Бывает, рука у человека болит, или нога – её же не выбросишь. Лечить её надо. И о Родине – заботиться. А не бросать.

Антон думал, что ничего не изменится, а ведь вот... Получается – может? Или всё же – нет?.. Неужели не бывает такого – чтобы всем было хорошо? И чтоб не уезжать никуда... И Славка... Эх, надо было летом ехать на море! Как же сделать его здоровым?

Антон не знал. Тополь молчал. Мысли вертелись, как неугомонные снежинки за окном. Наверное, ответы знает только Бог... И Он сейчас тоже не спит.

Глава 5. Не поеду!

Антон, забравшись с ногами в кресло, читал «Гарри Поттера». Не любил он сказки, но сейчас книга поглотила его настолько, что он не мог оторваться. Чем-то близки были ему герои – такие же мальчишки, как и он сам, и их проблемы, которые можно было решить с помощью волшебной палочки... Хотя, кажется, далеко не все.

Славка отправился с мамой за билетами. Папа спал, устав от дороги и ночных посиделок. А были ли они, посиделки? Сейчас Антону казалось, что ночной разговор про переезд, про Славку – приснился... Но тянущее тоскливое чувство, с которым он проснулся сегодня утром было уж очень реальным...

И всё-таки каникулы – хорошая вещь! Немного, а уже повышают настроение. А предстоящая поездка – отвлекает от грустных мыслей. Можно будет поговорить с Шуриком о своих переживаниях... Если это, всё же, не сон.

Почему-то захотелось вдруг горячего какао с круассанами. Странно, вроде обедал недавно... Антон отложил книжку и пошёл на кухню. Заглянул в шкафчик. Какао он не нашёл, круассанов, конечно же, тоже. Зато отыскал ванильные сухарики и шоколадку. Ну и ладно, сухарики – тоже неплохо.

Славка любит грызть их так и запивать чаем, а Антон – макать в него. Тогда они становятся мягкими и тают во рту.

Жалко, что чай быстро заканчивается... А французы опускают круассаны в кофе. Или в какао... Кажется странным, но это вкусно, он не понимал сначала, пока сам не попробовал. И какао почему-то кончается тогда, наоборот, медленнее.

Он встал, сделал себе ещё одну чашку, задумчиво опустил туда очередной сухарик...

Скрипнула дверь.

– Антон, – негромко позвал его папа. Непонятным таким голосом.

Антон не обернулся.

– Антон...

Не получилось у него обернуться. И ответить – тоже. Не приснилось. Сейчас Антон отчётливо помнил, как переминался он с ноги на ногу в тёмном коридоре. Колючий комок осел в горле и не дал говорить. Сухарик размяк в чае.

Тёплые ладони отца легли ему на плечи. Тогда Антон произнёс:

– Я. Никуда. Не. Поеду.

Почувствовал, как закаменели ладони. И сам замер. Потому что по застывшему пространству их мира пошла слабая трещинка. Как по тонкому льду, если наступить на него краем ботинка...

Папа убрал руки с его плеч. Придвинул стул, сел напротив. Антон поднял глаза. И испугался. Потому что в синих глазах отца увидел своё отражение.

Ну, не его конечно отражение... В смысле, не внешность.

В них он увидел чувства... Вину. Тоску. Тревогу. И обиду...
Всё, как у него. Зеркало.

Папа молчал. Как в его молчании могли уместиться настойчивость и нерешительность? Или это уже Антону показалось? Он ждал, пока отец заговорит первым. Чтобы понять, что же он хочет. И что для него важнее.

– Выходит, ты вчера слышал наш разговор? – в упор спросил отец.

Антон кивнул, не отводя взгляда. В глазах папы вспыхнули сердитые огоньки, но он промолчал. Потом спросил:

– Ты понял, о чём мы говорили?

– Я не дурак.

– Я знаю... Антон, я хотел посоветоваться с тобой... Я думаю, что нам там будет лучше. Потому что там обстановка в стране спокойнее, и мы будем все вместе...

Антон ничего не ответил, а папа продолжил:

– И ещё, там мы с мамой сможем обеспечивать вашу жизнь и будущее...

– Чье – наше? Ты же не хочешь брать Славку!

– Как не хочу? – удивился отец. – Хочу...

– Но не можешь?

Папа покачал головой.

– Но эта проблема решаема. Нужно узнать, где его родители. Если мы их не найдём – усыновить его.

– А если найдём?!

Папа отвёл глаза.

– Я никуда не поеду!

– Антон...

– А Шурку ты тоже с собой возьмешь? И этот кусок земли с нашим домом?

– Ну, допустим, дом там будет и побольше...

– А мне не надо побольше!

– Мы сможем ездить в экспедиции.

Антон покачал головой.

– На море... И сюда будем приезжать. К Шурке.

Антон молчал.

– Ты найдешь себе новых друзей. Язык выучишь.

Этого он уже вынести не мог.

– Пап... А может ты найдёшь себе нового сына? – и замолк. Потому что папины глаза вспыхнули такой горечью, какой он ещё не видел. Он видел их разными: и счастливыми, и грустными, и тоскливыми, и даже такими, будто он увидел что-то невероятное... Но такими, как сейчас – никогда. Казалось, будто это целый океан печали...

– Пап...

Отец поднялся. Аккуратно задвинул стул. Вздохнул, глядя в окно: там плакало небо. Вчерашний снег растаял.

– Прости, сын. Я, наверное, и вправду слишком много думаю о себе. Или о тебе... – сказал он негромко и вышел из кухни.

Антон сжался в комок. Захотелось заплакать. Господи... Ну и что теперь делать? Хотелось кинуться за отцом, обнять

его... Но вместо этого он почему-то упрямо повторил:
– Не поеду!

Хлопнула входная дверь – послышались весёлые голоса. Через минуту довольный, с мокрыми сосульками отросшей чёлки и порозовевшими щеками Славка уже был на кухне и смотрел на Тошкины сухарики.

– Антон, а мы билеты купили! На завтра!.. А ты чего, та-кой, Антон? – осёкся он.

Антон встряхнулся, прижал к себе Славку.

– Ничего... Братишка...

– Мам!

– Чего?

– Мам, сделай пирожков!

Мама, растрепанная и в пушистом халатике оказалась на пороге. Пригладила мокрые волосы.

– Это чего это вдруг?

– Завтра Антон приедет!

– Правда? Здорово... – обрадовалась мама. Подошла сзади к Сашке, посмотрела через его плечо на светящийся экран.

– Ох, Сашка, оторвал бы ты свой нос от монитора, хоть на часок!

– Угу... Я сейчас закончу... Он будет считать, и оторву...

Оторвусь...

– «Закончу»... Сколько ты уже заканчиваешь? День? Неделю?

– Ну, мам... Потом сама будешь удивляться, как красиво получилось!

Мама выпрямилась. Постояла недолго, осторожно провела рукой по жёсткой щётке Сашкиных волос.

– Давай, заканчивай, пойдёшь помогать мне. Папке-то сказал?

– Неа... Так ему, наверное, дядя Боря уже позвонил...

– Ну, мало ли... Может, и не звонил. Они все вместе придут?

– А как же!

– Соскучился?

Сашка довольно вздохнул. Ещё бы! С лета не виделась.

В школе у него были друзья. Не сразу, конечно, появились. Серьезный Дениска Коновалов и озорной Никита Володин – такие разные, противоположные по характерам, но оба – интереснейшие люди. С Дениской он часами мог болтать о книжках. Мама про него сразу сказала, что он очень «интеллигентный мальчик». «Интеллигентный мальчик» любил фантастику, параллельные миры и будущее. И такие же фильмы, обязательно с дисков, чтобы без надоедливой рекламы, и с чипсами. А весёлый Никитка – в параллельные миры не верил, будущее его интересовало мало, а про фантастику он говорил, что это «сказки для взрослых,

которым скучно в жизни». Его увлекало 3Д моделирование. Из-за него сначала Сашка с ним и подружился.

Удивительно, но втроём они не спорили ни о фантастике, ни о будущем. Точнее, спорили иногда, но так, достаточно деликатно. Потому что Сашке нравилось рисовать 3Д-шные самолёты из будущего. Это их и объединяло.

Была ещё Ася. Но про неё – отдельный разговор. Сашке просто нравилось быть рядом с ней и слушать, как она рассказывает. Не важно, о чём. Просто было хорошо вместе. Да, ещё они с ней рисовали. Только не на компьютере, а в альбоме. Ася ходила в художественную школу и рисовала масляными красками. Сашка сначала никуда не ходил и рисовал чем попало: и простыми карандашами, и пастелью, и акварелью. А в прошлом году, когда познакомился с Асей – тоже записался в художку. Чтобы подружиться с ней. Конечно, никому он этого не говорил, даже ей... Никому, кроме Антона.

А с Антоном он мог говорить обо всём на свете. И вот ведь как интересно: далёкий друг был ему ближе остальных. Не то, чтобы Шурка сильно скучал, да скучал, конечно, но... Просто когда Антона рядом не было – у него возникало такое стойкое чувство, будто нет какой-то части. Части себя, что ли... А приезжал Тошка – и всё становилось на свои места. Как будто не хватало пазла в мозаике, и вот – он нашёлся, и ты любишься законченной картиной. Спокойно на душе. Так спокойно, как никогда – сейчас всё правильно и всё хо-

рошо...

Тошку он знал давно. Ещё с интерната. Они подружились сразу, в первый день появления там Антона. Как они познакомились – он уже не помнил. Кажется, Сашка предложил ему пойти поесть. И показывал в альбоме свои неумелые рисунки... Или рисунки он показывал уже потом?

Не важно. Сейчас та жизнь в интернате казалось ему далёкой и ненастоящей. Как и та тоска, которая затягивала его, когда Антон сбежал отсюда... Сашка тогда никого не слушал, не верил, что друг погиб, он ждал. Надежда, сперва яркая, тлела маленьким огоньком, который с каждым днём становился всё меньше. И когда он почти потух – раздался телефонный звонок.

Не зря он верил. Нашёлся его друг! И вернулся не один, а со Славкой. Надо же по дороге найти себе младшего брата!

Сашка сразу полюбил Славика. Как его можно не полюбить? Одна его бесхитростная улыбка чего только стоит! И не задиристый, добрый характер... Славка часами мог тихонько молчать и наблюдать, как Сашка рисует. А мог – за одну секунду рассмешить любого человека... Ещё Антон говорил, что Славка ничего не боится. Правда малыш, если это слышал, почему-то хмурился и останавливал брата: «Боюсь. Потеряться»... Понятное дело... Если потерять родителей на вокзале!

Сашкин папа, хоть и занимался розыском пропавших людей, Славкиных родителей не нашел. Хотя, по правде, Саш-

ка сомневался, а нужно ли их вообще искать? Ведь Славке хорошо с Антоном и его родителями... А с другой стороны – мама есть мама. И Антон как-то сказал Сашке, что Славка скучает по ней.

...– Саша! Ты идёшь или нет? – донеслось до него.

– Иду! – откликнулся он. Надо же так замечтаться! Ещё пару минут он повозился за компьютером, потом поднялся и ойкнул: замечтался – засиделся. Выключил свет и пошёл на кухню.

Глава 6. Колокол

Звонок в дверь раздался совершенно неожиданно. Вдруг. Потому что за окном лил дождь со снегом, а Сашка торчал в душе. Захотелось погреться. Горячие струйки пронизывали тело тысячами тёплых иголочек, щекотались, попадали в нос, отчего Сашка громко фыркал. Разноцветные брызги играли на мокрых ладонях, переливались в ресницах, медленными дорожками струились по стенам ванной. На зеркале оседали клубы пара.

Звонок как-то резко ворвался в тёплое пространство. Сашка не обратил внимания. Потом услышал голос мамы за дверью, выключил воду. Сразу стало прохладно.

– Сашка, иди гостей встречай!

Ой... Это Антон, что ли, уже приехал? Неужели он ошибся со временем! Безобра-азие... Сашка завернулся в полотенце, крикнул:

– Иду!

Почему так медленно надевается футболка, да ещё и прилипает к мокрой коже? Не вовремя совсем! И штаны неудобно завернулись...

– Тошка! – Саша выскочил из ванной, уже на ходу поправляя штаны.

– Шурка! – выдохнул Антон.

– С лёгким паром, – засмеялся Славка.

Шурка встал перед ними и замолчал. Ох, как же он всё-таки соскучился! Он уже и забыл, какие синие у Антошки глаза!

Антон тоже молча стоял перед другом. Сырая куртка холодила, но он этого не замечал. Шурка – встрепанный, мокрый и такой счастливый. Давно они не виделись!

– Саша, иди, поставь чайник, – вернул их к реальности мамин голос. – Антон, Славка, раздевайтесь! Ой, как вы промокли!

– Да, погода ещё та, – вздохнул Антон и стал расстегивать куртку.

– Твои где? – спросил Саша. – С папой?

– Да, они идут.

Чай, чай... Вот почему только у него, у Сашки, получается наливать воду из фильтра так, что она всегда попадает мимо чайника? Да ещё и такая холодная! Ой, вот и папка с Тошкиными родителями: слышно, как они поднимаются. Он давно научился распознавать папины шаги...

Когда приезжают гости, дом сразу оживает, наполняясь весёлым шумом. Словно выходит из дрёмы и нехотя раскачивается, шумя закипающим чайником и обнимая всех теплом из духовки с маминым пирогом... Ой, какие же все мокрые! Погода совсем негостеприимная... В суете, на секунду, Сашка попытался прислушаться к какой-то тихой ноте, гудевшей внутри него. Хватило секунды, чтобы понять, что чего-то не хватает. Неуютно. Почему?

– Здравствуйте! – сказал он Тошкиным родителям.

– Привет, Саша, – ответил дядя Боря.

Неосознанно он обернулся на Тошку, выходявшего из ванной. Что не так?

За столом отец Антона ни разу не обратился к сыну. А Антон – ни разу не посмотрел на него. Мама разговаривала с тётей Олей, Сашкин папа расспрашивал мальчишек. Поссорились, что ли? Не похоже на Антона, он ни разу не видел, чтобы тот обижался на отца. И отец его очень любит...

Хорошо, что они приехали. Сашке даже не верилось, что Антон здесь. «Ага, не веришь! А потом будешь грустить, когда он поедет домой» – упрекнул он себя. Как же быстро течёт жизнь! Ещё вчера он сидел за компьютером и ждал гостей, а сегодня – вот он, друг, сидит рядом, улыбается, рассказывая-то что-то Сашкиному папе. Растянуть бы немножко время!

Мальчишки спали в Сашиной комнате. Места хватало. Сашка раскладывал свой угловой диванчик, и на нём замечательно умещались Антон с братом. А сам он доставал папин спальник и укладывался на полу. Ему нравилось. Тошкиных родителей укладывали в большой комнате.

Ночь накрыла город. Хотя непонятно, что такое ночь? Сашку всегда интересовал этот вопрос, но с ответом он так и не определился. С какого времени начинается ночь? С момента темноты? С момента, когда люди ложатся спать? Но

они ложатся в самое разное время, а иногда и вовсе не спят... Тогда – когда? Ведь после двенадцати наступает уже новый день... Неясно. Так же, как и неясно, куда деваются три минуты. Ведь земля совершает свой поворот за двадцать три часа и пятьдесят семь минут. А день начинается с двадцати четырёх... Куда исчезают эти три минуты? И где в это время их планета?

Сейчас для Сашки ночь значила время сна. В большинстве окошек соседнего дома не горел свет. В комнате и во всей квартире – тишина. Слышно только, как капли дождя рассыпают дробь по железному подоконнику. Посапывает во сне Славка, а вот Антон почему-то ворочается. И пыхтит. Чего ему не спится?

– Тошка... – позвал его Саня.

– Чего? – сразу отозвался друг.

– Иди сюда!

Надо же, он сразу вылез из-под одеяла и очутился рядом.

– Ты чего не спишь? – спросил Саша.

– Не спится. – В темноте Тошкины глаза казались чёрными. И почему-то сердитыми... Саша расстегнул спальник, уселся на нём. Прислушался: тихо. Антон сел рядом.

– Давай, рассказывай.

– Чего рассказывать? – прошептал Антон.

– Почему с папой поссорился?

Это только Шурка мог так сразу спросить. В лоб. И ведь было не обидно...

– Я ему сказал не очень хорошую вещь...

– Зачем?

– Ну... – пожал плечами Антон и опустил глаза. На секунду. А потом сказал, в упор:

– Шурка, папа хочет, чтобы мы переехали. В Швейцарию.

Наверное, у Сашки стал очень растерянный вид. Потому что Антон молчал и смотрел на него. Словно, пытался прочесть... Что прочесть? Ответ? Ведь ясно же, что Антон не хочет! Или он, Сашка, чего-то не понимает?

– Антон... – он не знал, что ответить. – Ты же не хочешь...

Тошка покачал головой.

– А ты бы хотел?

Сашка вздохнул.

– Он, что, на полном серьёзе?

– Шурка, я не знаю... Он пытался меня уговаривать...

– Что говорит? Из-за денег?

– Не только. Говорит, что там спокойнее. Лучше.

– Ну... Может быть.

– Говорит, что нашу страну загадили.

Шурка наклонил голову набок. Пытливо посмотрел на Тошку.

– И что с того? Сразу уезжать?

– Вот и я говорю... Ведь если мы уедем – лучше здесь не станет... Шурка, честно, я же там не был. Может, там и лучше... Но я не хочу. Я не смогу там... – Антон осёкся, потому что хотел сказать «без тебя». Кажется, друг понял и

так.

Сашка молчал. Что тут скажешь? Стоит ли говорить, что сердце его повисло в пустоте, а разум и всё его существо, крикнуло: «нет!». Потому что, ну как без Антона? И всё же он спросил:

– Папа, наверное, сильно скучает?

– Да. Он говорит, что ему надоело мотаться туда-сюда. И что там мы будем вместе...

– А Славка? – быстро спросил Сашка.

Антон посмотрел на него. В темноте сложно разглядеть его глаза. Но от них веяло тоской. Такой, что Сашка опустил глаза. А друг, оглянувшись на диван, где спал Славка, чуть слышно прошептал:

– В том-то и дело... Его же не возьмешь за границу. Нужно искать его родителей.

Нужно... В этом нет ничего плохого. И Сашка не сомневался, что они когда-нибудь найдутся. Славка ведь ждёт свою маму... Но:

– Шурка, я не смогу там без него! Он скучает по матери. И я знаю, что нужно её искать. Но одно дело, когда в другом городе, а тут – в другой стране! Как я его оставлю здесь? – отчаянно прошептал Антон. И мысленно добавил: «И тебя...».

– Конечно! Это вообще невозможно! – сказал Сашка.

У Антона заблестели глаза.

– Вот мы и поссорились...

– Что ты сказал отцу?

Антон молчал. Долго. Очень пристально глядя на Сашкин спальник и очень тихо, через силу, произнёс:

– Я сказал, чтобы он искал себе нового сына, – и замолчал. И Сашка замолчал.

Тишина. Тишина наполнялась неловкостью. Такой тяжёлой и вязкой, как плохо вымешанное тесто. И чтобы её разогнать, Антон быстро зашептал, не поднимая глаз:

– Шурка, я не знаю, как теперь мириться...

Сашка вздохнул.

– Мне кажется, что если я извинюсь, то он примет это, как согласие... Я совсем дурак, да?

– Конечно, – сказал Саша. И как-то непонятно посмотрел на Антона.

– Шурка... – Антон не обиделся, – я боюсь, вдруг мы до отъезда так и не помиримся!

– Ох, Тошка... – Сашка весь излучал сочувствие. Жалко Антона. Жалко отца. Но ещё хуже, если они все уедут... Или не хуже? Или другу будет там лучше? Можно ли быть таким эгоистом? Тем более что твой папа каждый вечер возвращается домой.

– Антон... Только ты не сердись. А ты точно туда не хочешь? Может, там и лучше? – осторожно спросил Сашка.

Антон вздохнул. Устало как-то.

– Шурик, я не знаю... Я уже ничего не знаю... Почему-то раньше было проще... Сейчас, когда я представляю себе переезд, то у меня внутри всё колом встаёт.

– Понятно... – задумался друг. И вдруг спросил, – Слушай, а помнишь Женю Шашкина?

Наткнулся на молчание. Антон смотрел на Шурку, пытаюсь вспомнить.

– Из интерната, из младшей группы, мелкий такой и приставучий. Всё просил ему нарисовать карикатуру директора, – Сашка хихикнул.

– Ой... – Антон наконец вспомнил, – ну?

– Он в Америку уехал. С приемными родителями.

Шелестел дождь за окном... Время – так же шелестит? Или оно не двигается, как воздух в комнате?

– И как?

– Пишет, что хорошо...

Ему там лучше... Наверное. Антону очень хотелось, чтобы ему, маленькому Жене, было там лучше.... У него же здесь не было брата... И друзей – тоже. По крайней мере, раньше – точно не было.

– А когда он уехал?

– Прошлой зимой.

Помолчали. Антон сел, вытянул затёкшие ноги. Шурка облокотился, подперев голову. Снизу пристально смотрел на него. Вот умел он смотреть так – внимательно, и словно понимая его мысли. И нисколько это Антона не раздражало, наоборот. Как ему не хватало вот этого Шуркиного взгляда и молчания! Выжидательного. Изучающего. Принимающего...

Сашка просто смотрел на друга. Будто книжку читал... Наверное, когда-нибудь он нарисует его. Вот таким вот: курносый мальчишкой, со встрепанными белеющими в темноте волосами, с задумчивым взглядом тёмно-синих глаз. Сейчас в темноте не различишь их цвет, но Сашка знал, что на самом деле, они – как отражение вечернего безоблачного неба... Когда друг думал о чём-то, он неосознанно закусывал нижнюю губу. В темноте это выделялось прямой чертой. Но... Это не трудно нарисовать.

Сможет ли он передать в портрете такое вот предчувствие чего-то большого? Ощущение того, что что-то меняется. Медленно, неотвратно встаёт над мальчишками. Нависает, как глыба льда... Или просто, затаившись, притихло во тьме? Что это?!

Мама как-то смеялась: «Ты вырастешь, Сашка...». Взросление... Что это такое?

Почему-то сейчас, в этой сонной комнатке, тёплой, дремлющей, маленькой, зарождалось осознание того, что за её стенами есть пространство огромного мира. Без горизонтов – ограничений. Бесконечное, а потому – немного пугающее. И – никакое: не злое и не доброе, а просто замершее в ожидании их действий и готовое откликнуться сразу – тем, что они туда внесут. Как лёд, готовый ответить рикошетом, если на него бросить маленький камешек... Или как колокол! Сашка прислушался к себе: страшно? Нет. Скорее – непонятно. Пока... Так же, как и непонятно, что делать сейчас.

Интересно, а если поделиться этими мыслями с Антоном – поймёт?

Тишина затвердела и ждала, готовая сразу откликнуться словам... Лучше не сейчас, наверное... Сейчас его как-то утешить нужно.

– Знаешь, Антон, – медленно сказал Сашка, осторожно взвешивая и примеряя каждое слово. Как камешек... – Знаешь, Тошка... Мне иногда вот кажется... Может, когда-нибудь в вечности... Будет так, что все мы будем вместе.

Антон шмыгнул носом. Помолчали. Сашка встряхнулся и вдруг предложил:

– Слушай, а давай завтра в кино сходим?

Друг пожал плечами:

– Ну... давай... А на что?

– Вечером «Мадагаскар» новый будет. Давай? А попкорн сделаем дома и с собой возьмем! – Сашка знал, как любит кино Антон. Заодно там и можно будет рассказать про пространство-колокол.

– Ладно... – прошептал Антон.

Глава 7. Отец

Шёл дождь. Осенний мелкий дождь. Ребята задержались в кинотеатре. Вот понесло же их, ещё и на вечерний сеанс! Чья эта была идея? Шуркина? Или всё же Тошкина? Зря они с Олей отпустили их!

Тревога нарастала вместе с тоской. Потому что скоро уезжать. Потому что сын в обиде... Потому что сын стал дальше от него. И будет отдаляться ещё...

Он уже не маленький и зависимый Тошка... Даже неловко его так называть... Он уже – Антон. И что лучше его не заставлять делать то, что он не хочет, Борис понял ещё в прошлом году, когда искал сына, сбежавшего из интерната. А найдя... Найдя, обещал его беречь. И его мнение.

Но при чём тут заставлять? Не хочет – пусть живёт здесь. Никто его арканом не тащит... Просто почему-то Борис был уверен, что там будет лучше. Он любил свою работу, но на работе, в поездках – неотступно думал о своей семье. О подрастающем Антоне. О маленьком Славке, которого так неожиданно подбросила им судьба. О жене, Ольге, которой ему так не хватало! Раньше в экспедиции они ездили вместе, и он не замечал её присутствия. А когда перестала ездить – заметил. Отсутствие её... Она была нужна ему рядом!.. Чтобы вместе пить кофе. Смеяться. Чтобы доставать его своими шутками... Чтобы негромко разговаривать с ней, перебирая

яркие бусины прошлого или заглядывая внутрь себя... Чтобы просыпаться по утрам от её осторожных и ласковых прикосновений... Чтобы иногда ссориться, а потом с облегчением – мириться... И жить, стараясь потревожить возвращенный мир или просто наслаждаясь им...

Разумеется, никакой речи об интернате больше не было. И супруга осталась с сыном. Сыновьями.

Она встречала его всегда радостно. Ясно, скучает... А толком поговорить об их жизни без него – не хватало времени. Никогда его не хватало Борису. Почему так? И ради чего он тогда живёт? С чемоданом подмышкой...

Борис маялся от тоски. Не так, чтобы совсем – вроде и некогда было, маяться-то. Тоска точила его изнутри, как надоедливый жук-короед. В тишине ночи – было слышно её унылую ноту. Днём она затихала за мыслями. Но и мысли очень часто обращались к своей семье.

А сын вырос. Борис был рад, а вместе с тем – боялся этого. Да ладно с ней, с его независимостью, вот только пообщаться с ним уже не получается. Видеть, как он растёт – не получается. Делить его радости – редко. Поддержать в неудачах – почти никогда. Почему?

Славка так и остался для Бориса загадкой. Лишь в свой летний двухнедельный отпуск он смог получше познакомиться с малышом. А тот – привязаться к Борису... Обычный мальчишка, в целом – доверчивый и спокойный. Хотя, по его рассказам, он и жил несколько месяцев бездомной

жизнью. Такая жизнь, безусловно, накладывала свой отпечаток на его характер: где-то очень самостоятельный, где-то удивительно покладистый, где-то – серьёзный, где-то – тревожный. И ещё, Славка совсем не умел играть. Хотя... Кто сейчас играет-то? Кроме как в компьютерные игрушки...

Что делать? Вечный глупый вопрос. Риторический. Практически любой глагол подходит ответом под него. Тогда лучше конкретнее: что делать, ему, Борису, в сложившейся ситуации? С ответами не легче...

Он мог разорвать контракт, и устроиться на работу в своем городе. Нет, не мог! Потому что тех копеек с натяжкой хватало несколько лет назад на их троих. На четверых не хватит никак.

Он мог продать квартиру и переехать в Москву. Как делают многие. Теоретически – мог. А практически – нет... Потому что цена их трехкомнатной квартиры – третья часть такой же на окраине столицы. Хорошо, если третья... Но где взять остальные – то части? Жить в кредит? Ютиться в однушке? Ещё не легче...

Он мог переехать за границу. Контракт расторгать там никто не собирался: Бориса ценили. Жилье найти – не проблема, квартиру давали служебную, а домик стоил примерно столько же, сколько трёшка в Москве. Так то домик! Мечта о нём согревала Бориса. Она появилась у него ещё очень давно, слабым намёком отметилась в студенческие годы, и вырослась, когда Борис с Ольгой поженились. Они тогда жили

с родителями Ольги... Недолго, правда. Потом они ушли, оставив им маленькую хрущёвку и скромный завет любить друг друга... Потом появился Антон. А Бориса сократили – потому что наступил кризис. Нет, не полностью сократили, конечно, просто сильно урезали зарплату, оставив ему только должность преподавателя. Он устроился тогда на вторую работу, хотел выкроить время для третьей... Пока их с Олей не пригласили работать по контракту в Европу.

Сейчас в России его ничто не держало. Ничто, кроме его семьи. Были, конечно, друзья, были товарищи, но ведь к ним можно приезжать. И просто достаточно знать, что у них всё в порядке... Потому что у каждого – своя семья, и она поглощает их. А как иначе-то? Это нормально. Вообще, сейчас столько средств для общения: включаешь интернет, скайп⁴ – и вот он друг, беседует с тобой за чашкой чая, и неважно, в каком конце мира ты сейчас находишься... А если захочется приехать, навестить его – теперешняя работа приносила для него достаточно средств. А если они переедут, и будет работать Ольга – тогда со средствами вообще не проблема... Там тоже будут поездки, но Антона можно будет брать с собой. Через год. Как раз есть время, чтобы переехать.

Но Оля не хотела. И Славка – куда его денешь? Про его родителей ничего неизвестно... Славка говорил ещё, что есть у него старшая сестра, но где её искать? А пока его не усы-

⁴ «Скайп» (Skype) – программа, позволяющая общаться друг с другом по видеосвязи.

новишь – их не выпустят из России. Да и Тошка... Тошка обиделся.

Слова сына расстроили его. Как бы это сказать? Ранили? Нет, слишком сентиментально. Огорчили? Мягко... Они впились железной иглой. И сидели внутри. И жгли его. Нет, понятно, конечно, что Антон сказал так по глупости. От обиды... От внезапности предложения, к которому он не был готов. Но... Выходит, он не дорожит их отношениями? Отцом?

Вероятно, нет. Потому что сейчас даже не подходит к нему. Будто его нет. Ну ладно, скоро он уедет... Уедет – а дальше?! Он что, будет меньше скучать по сыну? Меньше тревожиться за него? Ему что, будет легче, оттого, что он не будет видеть, как сын не замечает его? Нет. Эта холодная игла никуда не денется из его сердца. Не выдернешь её...

Воскресение, а Валера на дежурстве. А Борису очень хотелось пообщаться с другом. Поделиться. Может он сможет что-нибудь посоветовать. Валерий порою удивлял Бориса неожиданным ценным советом, своим оптимизмом... И силой духа, когда упорно занимался розыском потерявшегося человека и даже ночью готов был сорваться по звонку телефона.

...Оля пила на кухне чай с супругой Валерия и что-то очень оживлённо рассказывала. Это излюбленное хобби всех женщин, от которых их так трудно оторвать, составляло значительную часть их времяпровождения. Особенно, если эти

женщины давно не виделись. «Языки завязались» – как-то брякнул Славка. Ну... Лучше и не скажешь... Хотя супруга успевала за это время вязать носки, варежки, шапки и шарфики. Обновляла их мужской гардероб во время поездки. Пускай болтают, вероятно, сейчас для них это очень важно.

Славка остался с Борисом: он не любил кино. Странно, обычно мальчишки с удовольствием туда идут, особенно если это 3Д, и особенно, если какой-нибудь новый мультяк. Может, просто чувствовал, что Борису плохо? Или устал и хотел побыть дома?

– Что-то Антона долго нет... – вздохнул малыш и посмотрел на Бориса. Глаза его темнели ожиданием. И тревогой за брата.

Где же мальчишки? Борис вздохнул, набрал номер Шурки. Потому что у Антона телефон не отвечал. Ох, по шее ему... Хотя – как? Нелепая ситуация с этой ссорой, как же её решить?

У Шурки в трубке длинные губки. Через минуту на телефоне высветилось сообщение: «Мы в кино. Ещё не закончилось. Всё нормально».

«Я вас встречу» – отправил ответное сообщение Борис и поднялся с дивана.

– Куда? – вопросительно посмотрел на него Славка.

– Пойду, встречу мальчишек. Темень такая...

– Я тоже, – вскочил было малыш.

– Нет, Славка. Побудь здесь. Там дождь опять, просты-

нешь ещё... Не обижайся, – он взлохматил малышу светлые, пушистые, такие же как у Антона волосы. – Тебе кукурузных палочек купить?

Славка сердито нахмурился, потом посопел:

– Купить. И побольше. А может, я всё-таки с тобой схожу?

– Не надо, Славка. Я быстро.

Остаться дома он всё равно не мог. Мысли просились на воздух. И за ребят тревожно.

Он заглянул на кухню. Оживленная беседа стихла. Так сразу... Интересно, вспомнят ли они то, о чём говорили до этого?

– Оль, Алина, я пойду встречу мальчишек. Что-нибудь купить?

Ольга поднялась с табуретки, подошла к мужу. Посмотрела в его глаза. Их тревога поглощала сияние её глаз.

– Борь, всё есть. Давай вместе прогуляемся?

– Не надо, Оль. Я быстро.

Выходной. Как об этом узнать, не глядя в календарь? Правильно. Повеселевшие компании на детских площадках, которые совсем не смущает дождь. Пьяные возгласы из тёмных дворов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.